

Абрахам Меррит

Три строчки на старофранцузском

*Часть сборника
Лесные женщины (сборник)*

Абрахам Меррит

Три строчки на старофранцузском

«Автор»

1919

Меррит А. Г.

Три строчки на старофранцузском / А. Г. Меррит — «Автор», 1919

ISBN 978-5-457-09903-6

В рассказе «Три строчки на старофранцузском» («Three Lines of Old French», опубликован в «All-Story» от 9 августа 1919 года) действие происходит во время только что отгремевшей Мировой войны – которая тогда еще не называлась Первой. Солдат экспедиционного корпуса Питер Лавеллер, стоящий на часах, лишь невероятными усилиями воли не дает себе заснуть – до того, как встать на этот пост, он провел на передовой трое суток без сна. Проходящий мимо него офицер, военный хирург, замечает его состояние и, чтобы продемонстрировать своим спутникам возможности пограничного состояния человеческой психики, несколькими простыми действиями вызывает у Лавеллера необычайно живую галлюцинацию. Тот видит яркие краски дня, мир, не тронутый войной, как будто помолодевший близлежащий замок-chateau, беседует с девушкой, в которую успевает влюбиться, и которая говорит ему, что она умерла двести лет назад. Он полон восторга, он хочет вернуться в реальный мир, чтобы сообщить своим друзьям, что смерти нет, что жизнь человека продолжается и за гранью земного бытия...

ISBN 978-5-457-09903-6

© Меррит А. Г., 1919

© Автор, 1919

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Абрахам Меррит

Три строчки на старофранцузском

– Война оказалась исключительно плодотворной для развития хирургической науки, – закончил Хоутри, – в ранах и мучениях она открыла неисследованные области, в которые устремился гений человека, а проникнув, нашел пути победы над страданием и смертью, потому что, друзья мои, прогресс есть извлечение из крови жертв. И все же мировая трагедия открыла еще одну область, в которой будут сделаны еще более грандиозные открытия. Для психологов это была непревзойденная практика, большая, чем для хирургов.

Латур, великий французский медик, выбрался из глубин своего большого кресла; красные отблески пламени очага падали на его пронизательное лицо.

– Это верно, – сказал он. – Да, это верно. В этом горниле человеческий мозг раскрылся, как цветок под горячим солнцем. Под ударами колоссального урагана примитивных сил, захваченные в хаосе энергии, физической и психической – хоть сам человек породил эти силы, они захватили его, как мошку в бурю, – все те тайные, загадочные факторы мозга, которые мы из-за отсутствия подлинных знаний называем душой, сбросили все запреты и смогли проявиться.

– Да и как могло быть иначе – когда мужчины и женщины, охваченные предельным горем или радостью, раскрыли глубины своего духа, – как могло быть иначе в этом постоянно усиливавшемся крещендо эмоций?

Заговорил Мак-Эндрюс.

– Какую психическую область вы имеете в виду, Хоутри? – спросил он.

Мы вчетвером сидели перед очагом в зале Научного клуба: Хоутри, руководитель кафедры психологии одного из крупнейших колледжей, чье имя почитается во всем мире; Латур, бессмертный француз; Мак-Эндрюс, знаменитый американский хирург, чей труд во время войны вписал новую страницу в сверкающую книгу науки; и я. Имена троих не подлинны, но сами они таковы, какими я их описал; и я обещал не давать больше никаких подробностей.

– Я имею в виду область внушения, – ответил психолог.

– Реакция мозга, проявляющая себя в видениях: случайная формация облаков, которая для перенапряженного воображения наблюдателей становится небесным войском Жанны Д'Арк; лунный свет в разрыве облаков кажется осажденным огненным крестом, который держат руки архангела; отчаяние и надежда, которые трансформируются в такие легенды, как лунные лучники, призрачные воины, побеждающие врага; клочья тумана над ничейной землей преобразуются усталыми глазами в фигуру самого Сына Человеческого, печально идущего среди мертвых. Знаки, предзнаменования, чудеса, целое войско предчувствий, призраки любимых – все это жители страны внушения; все они рождаются, когда срывают завесу с подсознания. В этой сфере, даже если будет собрана тысячная доля свидетельств, психологов ждет работа на двадцать лет.

– А каковы границы этой области? – спросил Мак-Эндрюс.

– Границы? – Хоутри был явно озадачен.

Мак-Эндрюс некоторое время молчал. Потом достал из кармана желтый листок – телеграмму.

– Сегодня умер молодой Питер Лавеллер, – сказал он, по-видимому, безотносительно к предыдущему. – Умер там, где и хотел: в остатках траншеи, прорезанной через древнее владение сеньоров Токелен, вблизи Бетюна.

– Он там умер! – Хоутри был предельно изумлен. – Но я читал, что его привезли домой; что он один из ваших триумфов, Мак-Эндрюс!

– Он уехал умирать там, где и хотел, – медленно повторил хирург.

Так объяснилась странная скрытность Лавеллеров о том, что стало с их сыном-солдатом, скрытность, несколько недель занимавшая прессу. Потому что молодой Питер Лавеллер был национальным героем. Единственный сын старшего Питера Лавеллера – это тоже не настоящая фамилия семьи; подобно остальным, я не могу открыть ее, – он был наследником миллионов старого угольного короля и смыслом его существования.

В самом начале войны Питер добровольцем отправился во Францию. Влияния отца было бы достаточно, чтобы обойти французский закон, по которому в армии каждый должен начинать с самого низа, но молодой Питер не хотел и слышать об этом. Целеустремленный, горящий белым пламенем первых крестоносцев, он занял свое место в рядах.

Привлекательный, голубоглазый, ростом в шесть футов без обуви, всего двадцати пяти лет, немного мечтатель, он поразил воображение французских солдат, и они любили его. Дважды был он ранен в опасные дни, и когда Америка вступила в войну, его перевели в экспедиционный корпус. При осаде Маунт Кеммел он получил рану, которая вернула его домой, к отцу и сестре. Я знал, что Мак-Эндрюс сопровождал его в Европе и вылечил – во всяком случае все так считали.

Но что случилось тогда – и почему Лавеллер отправился во Францию, умирать, как сказал Мак-Эндрюс.

Он снова положил телеграмму в карман.

– Есть граница, Джон, – сказал он Хоутри. – Лавеллер был как раз пограничным случаем. Я вам расскажу. – Он поколебался. – Может, не следует; но мне кажется, что Питер не возражал бы против моего рассказа; он считал себя открывателем. – Он снова помолчал; потом явно принял решение и повернулся ко мне.

– Меррит, можете использовать мой рассказ, если сочтете его интересным. Но если решите использовать, измените имена и, пожалуйста, постарайтесь, чтобы по описаниям нельзя было никого узнать. Важно ведь в конце концов случившееся – а тому, с кем это случилось, теперь все равно.

Я пообещал и сдержал свое слово. Теперь я расскажу эту историю так, как тот, кого я назвал Мак-Эндрюсом, рассказывал нам в полутемной комнате, где мы сидели молча, пока он не кончил.

Лавеллер стоял за бруствером первой линии траншей. Была ночь, ранняя апрельская ночь северной Франции, и когда это сказано, все сказано для тех, кто бывал там.

Рядом с ним был траншейный телескоп. Ружье лежало поблизости. Ночью перископ практически бесполезен; поэтому он всматривался в щель между мешками с песком, рассматривая трехсотфутовой ширины полосу ничейной земли.

Он знал, что напротив, в такую же щель в немецком бруствере, другие глаза напряженно следят за малейшим движением.

По всей ничейной полосе лежали причудливые груды, и когда разрывались осветительные снаряды и заливали полосу светом, груды, казалось, начинали двигаться: вставали, жестикулировали, протестовали. И это было ужасно, потому что двигались на свету мертвецы: французы и англичане, пруссаки и баварцы – отбросы красного винного пресса, уставленного войной в этом секторе.

На проволочном заграждении два шотландца; оба в килтах; один прошит пулеметной очередью, когда перелезал через заграждение. Удар быстрой множественной смерти отбросил его руку на шею товарища; тот был убит в следующее мгновение. Так они и висели, обнявшись; и когда загорались и угасали осветительные снаряды, они, казалось, раскачиваются, пытаются вырваться из проволоки, броситься вперед, вернуться.

Лавеллер устал, его усталость превышала всякое воображение. Сектор достался тяжелый и нервный. Почти семьдесят два часа он не спал, потому что несколько минут оцепенения, прерываемые постоянными тревогами, были хуже сна.

Артиллерийский обстрел продолжался почти непрерывно, а еды мало и доставлять ее очень опасно. За ней приходилось идти за три мили под огнем: ближе доставлять было невозможно.

И постоянно нужно было восстанавливать бруствер, соединять разорванные провода, а когда это было сделано, разрывы все уничтожали, и снова нужно было проделывать ту же утомительную работу, потому что было приказано удерживать сектор любой ценой.

Все, что осталось в Лавеллере от сознания, сконцентрировалось в его взгляде, оставалась только способность видеть. И зрение, повинаясь его твердой негибкой воле, с помощью всех остатков жизненной силы исполняло свой долг: Лавеллер был слеп ко всему, кроме узкой полоски земли, пока его не сменят с поста. Тело его онемело, он не чувствовал землю под ногами, иногда ему казалось, что он плывет – как два шотландца на проволоке!

Почему они не могут висеть неподвижно? Какое право имеют люди, чья кровь вытекла и стала черным пятном под ними, плясать и совершать пируэты под вспышки разрывов? Черт их возьми – хоть бы какой разрыв сбросил их и похоронил!

Выше по склону в миле находился старый замок – шато, вернее, то, что от него осталось. Под ним глубокие подвалы, куда можно забраться и уснуть. Он знал это, потому что столетия назад, когда впервые прибыл на этот участок фронта, он переночевал там.

Каким раем было бы вползти в эти подвалы, прочь от безжалостного дождя; снова спать с крышей над головой.

– Я буду спать, и спать, и спать – и спать, и спать, и спать, – говорил он себе; потом напрягся, так как от повторения слова его начала окружать сонная тьма.

Осветительные снаряды вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли; послышался треск пулемета. Ему сначала показалось, что это стучат его зубы, пока остатки сознания не подсказали ответ: какой-то нервничающий немец изрешетил вечно движущихся мертвецов.

Послышались чавкающие звуки шагов по вязкой грязи. Нет необходимости оборачиваться: это свои, иначе они не прошли бы часовых на повороте. Тем не менее невольно его глаза повернулись на звук, и он увидел трех человек, рассматривающих его.

Над головой плыло не менее полудюжины огней, и в их свете он узнал подошедших.

Один из них – знаменитый хирург, который приехал из базового госпиталя в Бетюне, чтобы посмотреть, как заживают раны после его операции; остальные двое – майор и капитан; все, несомненно, направляются к подвалам. Что ж, кому-то должно везти. И он снова посмотрел в щель.

– Что не так? – Это майор обратился к гостю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.